

НОМО CORRUPTOS. АНТИКОРРУПЦИОНИСТ. ПРОКЛЯТИЕ ПО КОРРУПЦИИ Тюкмаева А.М.

*Тюкмаева Аида Маратовна – студент,
направление: идея национальной независимости, основы духовности и права,
исторический факультет,
Ташкентский педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: данная статья представляет собой манифест по борьбе с коррупцией. Анализ историко-философской ретроспективы феномена коррупции позволяет обнаружить тесную взаимосвязь между коррупцией и религией. Исследование содержания авраамических религиозных текстов предательски выявляет коррупционные мотивы, скрывающиеся под маской высокопарных формулировок о «спасении души», «восстановлении утраченной связи». Молитва как легитимная взятка богу, воплощая в себе механизм взаимных платежей между человеком и божеством, приводит к взращиванию и восхождению *homo corruptos*.

Ключевые слова: *homo corruptos*, воля к взятке, взяточники, антикоррупционист, всесильное академическое оружие, коррупция.

Затрагивая содержание христианского учения на страницах своего скандального произведения «Антихрист. Проклятие по христианству», Фридрих Ницше изъясляет огромное презрение человеку, приобщенному к системе христианских ценностей: «Здесь я не могу подавить вздоха. Бывают дни, когда меня охватывает чувство чёрной, самой чёрной меланхолии, – это презрение к человеку. Чтобы не оставить никакого сомнения в том, что я презираю, кого я презираю, – это теперешнего человека, человека, которому я роковым образом являюсь современником. Теперешний человек – я задыхаюсь в его нечистом дыхании...» [1].

Рассуждая о феномене коррупции как латентной формы религиозности, надлежит обратиться к вышеизложенному отрывку, обратив его в манифест кровопролитной борьбы с коррупцией. Сравнительный анализ ключевых факторов коррупции и религии позволяет обнаружить их прочную взаимосвязь, обратившуюся в предмет сознательного стремления современного человека. Архаичный модус взяточничества, ссылающийся к первым человеческим жертвоприношениям анимистической традиции, представившим собой форму религиозного культа, отражал потребность первобытных людей в сохранении нормального функционирования космоса. Рассуждая о сущности религиозного обрядового действия, Теофраст определил жертвоприношение как средство проявления почтения к богам, проведя условную дифференциацию целей, обращенных к возданию почестей, выражению благодарности и выполнения каких-либо просьб. Очевидная взаимосвязь коррупции и религии обнаруживается при детальном анализе возникновения и развития различных религиозных представлений, системы теологических установок и догматов. Социально-экономические мотивы, скрывающиеся под маской высокопарных формулировок о «спасении души», «восстановления утраченной связи», выявляют фундаментальную черту всякой религиозной парадигмы. Предвосхитив в своем содержании механизм взаимных платежей между человеком и божеством, религия как социально-культурный феномен сформировала почву для восхождения *homo corruptos*.

Реалии современного общества, начиная от родильного дома и заканчивая организациями похорон, представляют собой наглядное пособие по коррупции. Подобно тому, как христианская традиция обременяет каждого новорожденного тяжестью первородного греха, унаследованным от его праотцов, так и потенциальные родители, поработанные коррупционной системой общества, вносят взятку за родовспоможение. Таким образом, новорожденный становится непреднамеренным соучастником преступления. В дальнейшем к его первородному греху – взятке суммируется другой – определение в систему общественно-образовательных учреждений, требующих циклических противоправных капиталовложений. Помимо предоставления общего перечня документов для зачисления в определенное образовательное учреждение необходимо внести материальный взнос во избежание бюрократических препонов. Размер взноса образует систему социальной стратификации, определяющую механизм отбора по принципу наиболее «платежеспособных» учащихся. Условное разграничение классов в алфавитном порядке прямо пропорционально степени коррумпированности и обратно пропорционально степени академической успеваемости. Механизм императивного тестирования для выявления уровня умственных способностей и психологической готовности ребенка к учебе выступает стимуляцией к использованию всесильного академического оружия – взятки. Добровольно-принудительные взносы на протяжении всего обучения обращаются в религиозный ритуал, обеспечивающий не только степень аттестации, но и репутацию учащихся. Преподаватель при таких обстоятельствах принимает образ жреца от которого зависит успеваемость и психологическая обстановка учащегося. В случае «академического атеизма» -

игнорирования учащимися требований «образовательного стандарта», предусматривающего соблюдения ритуалов жертвоприношения – взятки, учащийся обращается в академического антихриста – антикоррупциониста. Методами борьбы с взяточниками выступают различные формы психологического давления, от угроз и публичного порицания до целенаправленного снижения оценок. Для дальнейшего анализа коррупции как одной из форм религиозности, необходимо дифференцировать людей на две фундаментальные категории, определяющие их важнейшие особенности. Первую категорию занимают представители класса *homo corruptos*, сформировавшиеся в результате отсутствия резистентности к суровому бюрократическому климату, обилию политического произвола и избытку интеллектуального дефицита.

Homo corruptos, представляя собой наивысшую фазу вырождения, отличается низким волевым коэффициентом и высокой степенью продажности. В данную категорию априори заключены учителя, врачи, военнослужащие и чиновники, инкурабельно инфицированные хватательным рефлексом. Безудержную погоню за деньгами не останавливает ни статья уголовного кодекса, ни осознание собственной продажности. К внешним отличительным признакам *homo corruptos* следует отнести наличие массивного телосложения, свидетельствующее о нерациональном использовании поступающих денежных средств.

Вторую категорию занимает редко встречающийся, исчезающий человеческий вид, получивший название *homo sapiens*. В отличие от представителей первой категории *homo sapiens* руководствуется исключительно собственными когнитивными резервами, не прибегая к витиеватым актам стяжательства.

Тенденция установления фокуса на историческом экскурсе коррупции *post factum* в качестве очистительного средства оправдания отравленного продажностью человечества, терпит фиаско. Исследование генезиса данного феномена в контексте исторической периодизации с целью систематического отслеживания интенсивности последнего по мере развития человеческого общества выявляет исключительно те факторы и силы, обусловившие лишь его дальнейшую интенсификацию. Диаметрность исторических реалий ввиду наглядности отличительных особенностей тех или иных хронологических периодов демонстрирует исследователю содержание и форму данного явления, маскируя первопричину его возникновения. Обращаясь к генезису коррупции в рамках исторической ретроспективы, исследователи останавливаются в категориях политической жизни общества, перемещая тем самым коррупцию в систему государственного масштаба.

Флорентийский философ Никколо Макиавелли, диагностируя состояние общества, сравнил коррупцию с болезнью чахотки: «вначале она трудно распознается, но легко вылечивается; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно» [2].

Английский философ Томас Гоббс, анализирует проблему коррупции в своем сочинении «Левиафан», отталкиваясь от природы человеческих страстей – преследованию своей частной выгоды и честоллюбию. Люди, по Гоббсу, пребывают в постоянном состоянии конкуренции и борьбы, стремясь превзойти оппонентов и возвыситься над другими. «Коррупция есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [3].

Тщеславие, порождающее предположение о том, что высокое социальное положение позволит избежать наказания, и глупая переоценка собственной личности, по Гоббсу, становится основной причиной всякого преступления.

Обнаруживая изъяны в системе денежного обращения того или иного общества, явление взяточничества рассматривается как деструктивный элемент экономического устройства политического аппарата управления. Принимаемые средства по непрекращающейся борьбе с коррупцией посредством ужесточения мер уголовного наказания, обращает проблему взяточничества в перечень приоритетных государственных задач.

Французский философ Шарль-Луи Монтескье ошибочно выводил *homo corruptos* из возникновения административно-иерархической системы, организующей механизм политической координации общества субъектами власти. «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [4]. Появление управленческого аппарата как рупора социального воздействия и вмешательства во все сферы жизни общества, непременно оказало влияние на степень злоупотребления должностными лицами властными полномочиями. Однако, корни коррупции, лежащей в основе всех существующих исторических реалий, уходят в отравленную религией почву.

Обращаясь к зороастризму как к одной из самых древнейших религий, следует отметить статус молитвы, представляющей собой каждодневные обряды, сопровождавшиеся неоднократными хвалебными песнопениями в честь Ахура-Мазды. Строгие правила зороастрийского канона обязывали своих приверженцев придерживаться определенной системы ритуалов, регламентирующих временной аспект молитвенных церемоний и их количество. Ежедневная пятикратная молитва выступала гарантом защиты и благополучия, некой разменной монетой, с помощью которой человек обращался к божеству как к источнику материальных и духовных благ.

При анализе содержания авраамических религиозных текстов, предательски обнаруживаются плохо скрытые автором коррупционные мотивы. Наставления Иисуса Христа выявляют данное положение в следующих формулировках: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна». «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам», — сказано в Евангелии.

Молитва – это легитимная взятка богу.

Одним из важнейших столпов ислама является совершение молитвы, которая в свою очередь дифференцируется на молитву-просьбу, обращенную к Аллаху – Дуа и Салата – Намаза, представляющего собой каноническую молитву, состоящую из определенных ритуалов. В отличие от христианской традиции, в которой дача взятки осуществляется по мере рациональной необходимости субъекта, в исламе коррупционные обязательства перед богом имеют иррационально императивный характер. «...Пусть первое, к чему ты их призовёшь, будет свидетельство, что нет бога, достойного поклонения, кроме Аллаха, и что я – посланник Аллаха. Если они признают это, то сообщи им, что Аллах вменил им в обязанность совершение пяти молитв, днём и ночью».

«Терпеливо сноси то, что они говорят, и прославляй хвалой твоего Господа перед восходом солнца и перед закатом. Прославляй Его в некоторые часы ночи и после земных поклонов». Для установления связи с Аллахом каждый правоверный мусульманин должен осуществлять ежедневный молитвенный цикл, состоящий из пяти частей: утренней, полуденной, предвечерней, вечерней и ночной. Подобные манипуляции в исламе, имеющие строгие условия реализации в темпоральном и физическом отношении, наглядно демонстрируют легитимные коррупционные акты, формирующие у зараженного им субъекта *homo corruptos* принцип «ты мне – я тебе».

Возведя коррупцию в ранг тягчайших грехов, религия, диаметрально противоположным образом, установила основополагающий принцип коррупции, подтолкнув человека к нарушению религиозных предписаний – подкупа и взяточничества. Подобно тому, как христианский Бог создал благоприятные условия для послушания его воле, поместив запретный плод в центр человеческих страстей, так и само коррупционное сознание, установленное Богом, вызывает потребность в его реализации. Эпизод Иуды Искарота, предавшего Иисуса Христа за взятку, размером в 30 серебряников, воплощает парадоксальность христианской морали, предвосхитившей механизм мздоимства.

Список литературы

1. *Ницше Фридрих*. Антихрист. // Проклятие христианству, 1990. Москва. С. 21.
2. *Макиавелли Никколо*. //Избранное, 1999. Москва. С. 78–79.
3. *Гоббс Томас*. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского, 1936. Москва. С. 229, 234.
4. *Монтескье Шарль Луи*. Избранные сочинения, 1955. Москва. С. 289.